

“Я одинокий солдат, который меняет самок”

ПИСАТЕЛЬ Эдуард Лимонов в особом представлении не нуждается. Он сам о себе во всеуслышание заявил: “Это я, Эдичка!” С той поры минуло уже 20 лет. Однако споры о Лимонове не прекращаются. Кто он? “Анфан террибль” русской литературы? Матерящийся писатель-хулиган? Русский Генри Миллер? Или основатель нового литературного стиля?

Творчество Лимонова - не единственный предмет, о который ломают копыя современники. Человек, чьи статьи печатал журнал французской коммунистической партии и одновременно журнал крайне правого французского Национального фронта; человек, который в России основал партию национал-большевиков и издает газету “Лимонка”, не мог не привлечь внимания (и вызвать раздражение) своей столь экзотической ангажированностью. Неординарна и сексуальная сторона жизни Лимонова. Как он смотрит на отношения между мужчиной и женщиной - я попросил рассказать его именно об этом.

- В интервью газете “Смена” ваша бывшая жена - Наталья Медведева - сказала, что вы во всем, в частности в личной жизни, стремитесь быть первым. Так ли это?

- Я был, есть и буду первым. Безусловно! Я домашний тиран, установитель порядков, встающий в восемь часов утра, садящийся за письменный стол, издающийся... над кем там? над Натальей Медведевой (смеется. - Д. Ж.). Она вынуждена была тоже садиться за письменный стол, благодаря чему и написала четыре романа. Нашей совместной жизни я задавал определенный ритм. А как иначе? Солнечный жизнерадостный мужской порядок должен властвовать над лунной женской безалаберностью.

- Вы и в сексе стремитесь быть первым?

- Я даже застеснялся, застенялся (смеется. - Д. Ж.). Нет, у меня никогда не было желания выполнять грязную работу дефлорации. У меня нет такого желания. И никогда не возникало.

- Но это же такой инициационный момент!

- У меня есть амбиции на подчинение эмоционального и духовного в женщине. Это нормально. Женщина не может быть ведущей. Разве что в неравном браке, когда женщина старше мужчины и сильнее его.

- А в вашей жизни была такая ситуация? Ваша первая жена - Анна Рубинштейн - была на несколько лет старше вас.

- Нет! Хотя Анна была старше меня на семь лет, главным в семье был именно я. Такой тощий молодой человек, только что вышедший из литейного цеха завода “Серп и молот”.

До меня у нее были, конечно, всякие кобели. Я их всех разогнал. Упрямством. Пьянством. Бил ее. Дрался. И установил порядок. Я об этом говорю сейчас смеясь, потому что говорить обо всем этом серьезно было бы как-то глуповато.

- А если все-таки серьезно: какими качествами должен обладать мужчина?

- Я вначале выяснял это инстинктивно, ощупью. Только потом пришло осознание. Безусловно, мужчина должен установить свой собственный порядок, создать мир. Я думаю, что даже на уровне любой семьи мужчина, если он действительно мужик, а не алкоголик и не тряпка, то он создает вокруг себя мир с определенными ролями, порядком. Он защищает свою семью, ведет ее, руководит ею, пока сил хватает.

- Сейчас в России появилась целая армия секс-символов, например, актер Машков, ди-джей радио “Модерн” Нагиев. Они говорят приблизительно то же, что и вы: мужчина должен быть мужиком и т. д. Не следует ли вы и они какой-то моде?

- Я не знаю этих людей. Не видел, как они выглядят, что собой представляют и на каком поле они выступают. Я просто считаю, что живущий по правилам этого общества человек не может быть мужиком. Это общество мужчину лишает мужественности. Я не играю по правилам этого общества. Поэтому я так и живу: с одной стороны - большие успехи, полная личная неустраиваемость - с другой. У меня даже прописки в Москве нет. Я отказываюсь выполнять конвенциональные вещи, которые от меня это общество требует. Поэтому я со-

храняю свою самостоятельность и являюсь независимым человеком.

- Однако мужчины, которые живут по законам нынешнего российского общества, должны быть самцами. Ведь общество-то живет по законам джунглей. И мужчина поставлен в такую ситуацию, когда, если он не будет проявлять свое мужское начало, он просто превратится в вечного аутсайдера. Среди поп-звезд мода на самца тоже объясняется этим.

- В любом обществе - в нашем ли, в западном ли - быть мужчиной невероятно трудно. С самого начала оно настроено на подавление импульсов мужественности. Мужчина - это прежде всего независимость. Я никого не могу назвать из наших поп-звезд мужчиной. Ибо все они живут в контексте этого общества. Себя я могу назвать мужчиной. Речь идет не о мужской силе. Речь идет о независимости. Я абсолютно независим. Тотально! Это общество не смогло меня подчинить ни на миллиметр. Чем я очень и горжусь. В этих условиях я настолько свободен, насколько это возможно.

О себе я могу сказать: я - одинокий солдат, который меняет самок. Каждый раз я создаю свой мир вокруг. Я приехал в Америку и создал свой мир вокруг себя. Я приехал во Францию и тоже создал свой мир. Как Господь Бог - с нуля. Когда приехал - я был никому не известен. Уехал же я ненавидимый всеми (смеется. - Д. Ж.). Это большое удовольствие. Меня они поносят все время. Никому из русских писателей не удавалось так настроить против себя общественное мнение. На Западе я издал семнадцать книг. Все меня там знают и страшно не любят. Я для них символ всего ужасного. И это хорошо! Прекрасно! Я приехал сюда и тоже в этом смысле преуспел. Я иду своей дорогой. Вот где мужественность-то и начинается!

- Из всего того, что вы сказали, можно сделать следующий вывод: мужчина, который живет в семье, старается защитить ее от внешнего негативного воздействия, он - не мужчина. Но ведь именно мужчина должен защищать семью. Это его обязанность. Обязанность самца, если угодно.

- Когда я вернулся в Россию

после столько лет отсутствия, то я был поражен какой-то тупостью этого общества. Ковры на стенах, абактуры, женщины, молчаливо подающие мужчинам закуску. В России очень много азиатчины. Очень турецкое общество. Между мужчиной и женщиной здесь отношения ненормальные.

- Но наверняка эта ваша “тотальная независимость” отпугивает женщин.

- Наоборот! Ведь женщины на самом деле притягивают все не деньги (денеги притягивают только самых слабых самок) или домашность мужчины. Их притягивает аура полной независимости. Они понимают, что самое очаровательное, что может быть в мужчине, - это претензии на роль тирана в построении мира. Борца против декаданса. Это совершенно точно.

- Разве поведение главного героя вашей первой книги “Это я, Эдичка!” - не декаданс?

- Он на пороге декаданса. Это человек, который пребывает в ситуации решения: он еще не там и не здесь. Но он

Известный писатель предпочитает женщин юных. Партнерши старше 35 лет для него невыносимы

уже противостоит этому миру с ненавистью. “Идите вы все на х... , е... в рот, с...и!” - именно такой фразой заканчивается книга. Сейчас бы я не смог этого написать (смеется. - Д. Ж.). Тогда у меня было тотальное отвращение к обществу, точнее, к ОБЩЕСТВАМ. Я мог развиваться как угодно. Я мог спиться, стать никем, ничем, нулем.

- И когда же произошел перелом?

- Никакого перелома не происходило. Еще в Нью-Йорке, не успев поставить последнюю точку в романе “Это я, Эдичка!”, я начал писать книгу “Дневник неудачника”. Эта книга - восстание против этого мира. Там много чего есть: война, революция, восхищение революцией.

- Но в вашей личной жизни разве перелома не происхо-



времени прожил. В человеческом же измерении их объединяет одно - все они маргинальны. Ненормальные. Наташа была певичкой в ночном клубе...

- В интервью нашей газете она говорила, что вы вместо того, чтобы уделять ей время, ласкать ее, вставали утром и до вечера просиживали за письменной машинкой, что единственным вашим увлечением была гантельная гимнастика и что в последнее время вы часто срывались с места и уезжали то в Сербию, то в Приднестровье...

- В этих словах нет никакой правды. У нее были свои проблемы. Она запойно пила (об этом она сама сейчас говорит в журналах). Положа руку на сердце, она должна была бы рассказать и об этой стороне нашей жизни. У нее бывали ужасные, чудовищные, отвратительные запой. И я играл роль няньки, медбрата, доктора, товарища. Конечно, это не способствовало укреплению наших отношений. Но я ей был предан. Я ее любил. Никаких упреков на этот счет она мне предъявить не может.

- Конечно, со временем мои интересы немного изменились. До 1990 года земной шар был

спокоен более-менее, но потом он стал волноваться и вместе с ним заволновался и я, следуя своим собственным инстинктам. И во фронтовые зоны я вынужден был ездить. Я поехал бы туда даже ценой потери женщины и женщин. И то ради Наташи я не оставался там постоянно. Когда я поехал в Краину, я весну там пробыл, потом вернулся.

- Однако желание Наташи - не отпускать от себя далеко любимого человека - вполне естественно для женщины.

- Для меня женщина всегда была боевым товарищем. С этим расчетом я женщин и выбирал. Моя жизнь в этом смысле - серия успехов. Я все равно не мог бы жить с женщиной, которой свыше 35 лет.

- Боевым товарищем женщина может быть только в нежном возрасте?

- Просто моя судьба так складывалась. Женщины у меня были искренние, и они переживали все свои эмоциональные и женские проблемы искренне. Но, как правило, после 35 лет они становились невыносимыми. Ну а если ты невыносима - до свидания! Мы расставались. Теперь вот я живу опять с девушкой, с Лизой, которой 22 года.

- И что? Возрастного разрыва не чувствуете? Или в вас говорит какое-то отцовское чувство? Ведь разница-то между вами - 32 года!

- Ну нет! Почему? Все нормально. Ведь я же не обывательский урод! Который приходит с работы и сидит перед телевизором. Разницы не чувствуется.

- Так скажите все-таки: какой должна быть “боевая подруга”?

- Личные отношения всегда очень жестоки. Это всегда подчинение кого-то кому-то. Но я не выношу рабства. Я никогда не жил с женщиной, которая бы подчинилась мне сразу и добровольно. Подчинить женщину себе всегда стоило мне огромного труда. В определенном смысле я устанавливал творческую гармонию. Жизнь с боевой подругой - это постоянная борьба.

- Гармония или борьба?

- Гармония - это и есть борьба. Я никогда не жил нормальной жизнью. Я всегда не имел пристанища, кочевал из квартиры в квартиру...

- Вы считаете, что нормальный мужчина должен жить ненормальной жизнью?

- Да. Нестабильность - это хорошо, это мотор, это естественное состояние человека. В жизни нет ничего постоянного.

- А рождать детей и т. д. Это чья юдоль?

- Рожать - дело людей из толпы. Пускай они и рожают. Я не хочу никого рождать.

Беседу вел
Дмитрий ЖВАНЯ